

Н.Н. Шпанов

Поджигатели. Книга 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Н11

Н.Н. Шпанов
Н11 Поджигатели. Книга 2 / Н.Н. Шпанов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 280 с.

ISBN 978-5-458-04038-9

Николай Николаевич Шпанов - русский советский писатель, сценарист. Печататься начал с 1926 г. Был редактором журналов «Вестник воздушного флота», «Самолёт» и др. Член Союза Советских писателей с 1939 г. Николай Шпанов автор свыше тридцати книг, из которых были наиболее известны «Первый удар», «Поджигатели», «Война невидимок», "Ученик чародея". Писатель также создал первый в советской литературе образ сыщика сквозного героя нескольких произведений Нила Кручинина («Похождения Нила Кручинина»)

ISBN 978-5-458-04038-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024
© Н.Н. Шпанов, 2024

Шпанов Николай Николаевич
Поджигатели (Книга 2)

Николай Николаевич Шпанов

Поджигатели

Книга 2

Содержание:

Часть четвертая

Часть пятая

Совершенно ясно, что Европой,
ее трудовым народом,
правят люди обезумевшие,
что нет преступления,
на которое они не были бы способны,
нет такого количества крови,
которое они побоялись бы пролить.

М.Горький

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

Весна в 1938 году выдалась ранняя и теплая. Вечера в Уорм-Спрингс стояли тихие и ясные. Но, несмотря на это, в кабинете коттеджа, который президент в шутку называл "маленьким Белым домом", пылал камин. Собственно говоря, это сооружение, такое же простое, как и все в этом доме, даже нельзя было назвать камином: несколько грубо отесанных камней и незамысловатая решетка, ниша, прикрыта листом меди, - вот и все. Это был простой очаг. Он топился теперь целыми днями. Не ради президента, который чувствовал себя хорошо, как всегда после лечебного курса на водах Уорм-Спрингс, а из-за того, что его главный секретарь и самый близкий поверенный, Гоу, был болен. Он с утра до вечера сидел в кресле, кутаясь в плед. Озnob тряс его, не затихая.

Поставив ногу на решетку очага и опершись локтем о колено, Додд не спеша поворачивал щипцами поленья и слушал более медленную, чем обычно, речь Гоу:

- Все это для нас не тайна, профессор. Хозяин отдает себе отчет в том, где таится опасность для всех его начинаний.

- Это справедливо, Гоу, и... - Додд немного подумал и не выпуская из рук щипцов, придинулся к собеседнику: - Честное слово, мне иногда обидно за президента!

- А что он может сделать? - Гоу с трудом выпростал из-под пледа руку и сделал ею слабое движение, как бы подтверждая бессилие президента. - Они делают все, что хотят.

- И он это знает?

Гоу молча кивнул головой.

Додд с раздражением бросил щипцы, и они загремели на медном листе перед очагом.

- Но чего вы хотите, Додд? - Было видно, что Гоу трудно говорить. - Что он может? Если бы шайка Ванденгейма была в состоянии, она уничтожила бы всех нас... всех...

- Однажды они уже пробовали.

- И нельзя быть уверенным, что не попробуют еще.

- Теперь-то уж нет! Народ не позволит.

- Народ... - с горечью произнес Гоу. - Если бы средний американец не так легко поддавался обману!.. Газеты одна за другую скапываются банками. Скоро президенту негде будет сказать американцам то, что он думает.

- Это уж вы хватили через край, - рассмеялся Додд. - Не нацизм же у нас, в самом деле.

- Пока еще нет...

Гоу произнес это таким тоном, что можно было за него докончить: "Но скоро, повидимому, будет".

Он помолчал и все с тою же грустью сказал:

- Наши мероприятия проваливаются одно за другим. Нам не удалось даже провести законопроект об огосударствлении производства электроэнергии.

- Вы слишком многое захотели.

- А это был наш главный козырь.

- Знаете что, - с добродушной усмешкой сказал Додд: - наш президент порой кажется мне фантазером, а иногда хитрецом, его не сразу поймешь... Впрочем, оставим это. Хочу сказать вот что: чем дальше я сидел в Германии, тем больше убеждался: нацистов нельзя остановить никакими полумерами. Эта преступная шайка - Геринг, Гитлер, Геббельс - может пойти на любую дикую выходку.

- Они пять раз оглянутся, прежде чем прыгнуть в бездну! - возразил Гоу. - Уроки истории обязательны для всех.

Тоном нескрываемого презрения Додд заявил:

- В том-то и беда, Гоу, что у них психология убийц. А тут уже не до истории, даже если ее знаешь!

- Это ужасно! Просто ужасно... - Гоу откинулся на пинку кресла. Он часто и тяжело дышал. Его бледное до прозрачности лицо отражало душевное страдание.

- Могу я вам чем-нибудь помочь? - сочувственно спросил Додд, растерянно перебирая склянки с лекарствами, которыми был заставлен весь курительный столик.

Гоу, не открывая глаз, отрицательно покачал головою.

После долгого молчания он прошептал:

- Где же выход?.. Выход?!

Он с трудом поднял веки и исподлобья следил за Доддом, молча рассматривавшим модели кораблей, расставленные вдоль стены кабинета.

Любаясь искусством клипером, Додд рассеянно проговорил:

- Мне кажется, что на свете нет ничего более располагающего к раздумью, чем вот такой чудесный маленький парусник. Как вы думаете?

Гоу болезненно улыбнулся:

- Я прежде всего думаю, что вы не это хотели сказать.

- Я всегда говорил президенту, что дипломат я плохой... Скажите-ка ему, пусть держит подальше от себя Буллита. Он слишком доверчивый человек, наш ФДР. Мне рассказывали кое-что об интригах Буллита в Москве, - совсем нечестная была игра... Впрочем, не нужно и рассказов, достаточно того, что я слышал от него своими ушами. А как это было отвратительно, когда он из кожи лез, чтобы доказать французам, будто соглашение с Россией равносильно безумию. Он так поносил советскую армию, так отзывался о платежеспособности Советов...

- Могу себе представить, что этот молодец будет проделывать на посту наше-

го посла в Париже!

- Неужели Хэлл не может убедить хозяина убрать Буллита?

- Буллит как раз и есть первый, но довольно яркий образец резидента Ванденгейма на официальном посту американского посла.

Додд отошел от моделей и вплотную приблизился к Гоу.

- То, что я вам хочу сказать, всегда лучше говорить с глазу на глаз.

Гоу приподнялся было в своем кресле.

- Нет, нет, лежите, лежите. - Додд склонился к его уху. - Я не стал бы спорить, если бы кто-нибудь сказал мне, что видел имя Буллита в списке агентуры Гиммлера и Риббентропа.

Гоу взглянул на него испуганными глазами:

- Это уж слишком!

- Путем несложных софизмов можно прийти к выводу что нет никакой разницы - получать ли деньги непосредственно от Ванденгейма или через руки Гиммлера, - с усмешкой сказал Додд.

Гоу снова сделал попытку приподняться в кресле, но без сил упал обратно. Его взгляд выражал почти ужас, когда он, жадно ловя ртом воздух, через силу проговорил:

- Профессор... мой дорогой... вы понимаете, что говорите?.. Ведь это же посол Соединенных Штатов!

Додд поднялся, сделал несколько шагов и с таким видом как будто почувствовал себя на профессорской кафедре, проговорил:

- Мое преимущество перед вами, Гоу, состоит в том, что я, как историк, уже научился относиться ко всему более или менее спокойно. Так, как если бы происходящее было только рассказом о давно минувших временах...

Гоу умоляюще протянул к посолу дрожащую руку:

- Умоляю вас, замолчите!.. Ни слова хозяину. Да, да, Додд, пожалейте его!

- Пока я не буду иметь в руках точных доказательств, я ему ничего не скажу.

А я их, вероятно, уже не получу, поскольку никогда больше не вернусь в Германию.

- А именно о том, чтобы вы туда вернулись, президент и хочет вас просить.

- С меня довольно! Даже самый нормальный человек может сойти с ума, если его долго держать среди одержимых. Нет, с меня довольно! Пусть кто-нибудь другой...

- Он вам очень верит и любит вас.

- Я был бы рад ему помочь, если бы это было возможно, - серьезно произнес Додд, - но в Германии нужен только американский наблюдатель, если мы намерены и дальше равнодушно смотреть, как наци готовятся пустить под откос мир.

- Мир?

- Для них война - дело решенное. Уже сейчас.

- У них еще ничего нет.

- Скоро будет все. Наши им помогут.

- Не говорите об этом так громко даже тут!

Дверь отворилась, и, тяжело опираясь на две палки, медленно вошел Рузвельт.

- Вы видите, дорогой Уильям, - грустно произнес он, поздоровавшись с по-

слом, - мы поменялись местами с беднягою Гоу!

Рузвельт кивком головы позвал с собой Додда и вышел на веранду.

- Я в совершенном отчаянии, - негромко сказал он, - врачи ничего не могут поделать. Бедняга тает у нас на глазах. Я чувствую себя так, словно уходит половина меня самого... Врачи ничего не понимают... а человек умирает!

- Просто плохо верится.

- Я сам не верил, пока не понял сердцем: он умирает... А мы с ним еще почти ничего не сделали.

- У вас еще все впереди, президент!

- Хотел бы я знать, когда право на жизнь перестанет быть тем, что нужно вырывать друг у друга из рук.

- Если судить по истории - никогда.

- Знаю, вы пессимист, Уильям, но если бы я так подходил к делу, то должен был бы считать, что покойный президент Кливленд был прав...

- В чем?

- Говорят, когда отец привез меня ребенком в гости к Кливленду, тот будто бы сказал: "Желаю тебе, молодой человек, того, чего не пожелает никто: никогда не стать президентом".

Додд взял руку Рузвельта.

- К счастью для Штатов, его пожелание не оправдалось!

Рузвельт долго держал руку Додда в своей и, прежде чем выпустить, крепко пожал.

- Вы же знаете, Уильям, как важно удержать этих людей от безумства, к которому они идут. Это может сделать только честный и умный человек.

Додд грустно покачал головой:

- Благодарю, президент, но... честное слово, я уже не верю в возможность предотвращения войны.

- А вы понимаете, что пожар не ограничится Европой?

- К сожалению, это так, - согласился Додд. - С тех пор как Токио присоединилось к этой "оси", джапы потеряли голову.

- Положим, эти господа потеряли ее давно и без помощи Гитлера. Я знаю: нам не удастся остаться в стороне от того, что начнется в Европе.

- Может быть... - неопределенно проговорил Додд, и по его тону было видно, что старый посол и сам не верит такой возможности.

Но, словно спеша досказать свою мысль, президент продолжал, несколько взвуждаясь:

- Вскрмливая Марса своими долярами, наши хитрецы воображают, будто им удастся спокойно и безмятежно глядеть отсюда, как европейцы будут истреблять друг друга оружием, на котором с полным правом могло бы стоять клеймо: "Сделано в США".

- Пока дело не дойдет до русских. Те предпочитают собственные марки.

- Может быть, - негромко сказал Рузвельт и повторил: - может быть... А ведь и для наших все дело сводится к тому, чтобы столкнуть лбами запад и Россию...

- Речь идет о Германии, президент, - заметил Додд. - Только о ней.

Рузвельт кивнул головой:

- Мы-то с вами понимаем друг друга... Ужас в том, Уильям, что жадность

ослепляет наших. От нетерпения снять золотую жатву...

Додд с усмешкой перебил:

- Я бы назвал ее кровавой...

- ...они не любят заглядывать за кулисы... Я говорю: их нетерпение грозит вовлечь нас в трудные дела. Кое-кому из американцев придется платить за эту жатву головами.

- Речь может итти только о простых американцах.

- О них я и говорю, - с раздражением сказал Рузвельт.

- А разве в них дело?

- Не прикидывайтесь циником, Уильям! Мы-то с вами знаем, чьи руки нужны, чтобы строить жизнь.

- Но ванденгеймам уже нет до этого дела.

- А мне есть! Есть дело, Уильям. - Рузвельт стукнул палкой по перилам балкона. - Американскому кораблю предстоит бурное плавание. Я не могу в него пускаться с одними пассажирами вроде Ванденгейма. Мне нужны и простые матросы. Я вынужден думать и о простом матросе, Уильям, без которого все мы должны будем варить суп из бумажных долларов... Одним словом: я должен смотреть дальше своего носа. А между тем мне мешают на каждом шагу. Наш главный противник тут, Уильям. Прежде всего тут! И вы нужны мне в Берлине, чтобы видеть, что происходит здесь, понимаете?

Рузвельт поймал на себе испытующий взгляд старого историка.

- Если мне удастся вернуться к занятию историей, - сказал Додд, - а я надеюсь, удастся, то одной из самых трудных фигур для меня будет тридцать второй президент.

Рузвельт рассмеялся:

- Ничего загадочного, Уильям, ничего!

- А объяснить сущность "социального ренегата", думаете, так просто? спросил Додд. - Наши дураки с Пятой авеню не понимают, что вы не ренегат, а их самый верный защитник. Хотя, видит бог, они не стоят этой защиты!

Поднявшись с кресла, Рузвельт подошел к перилам, откуда открывался обширный вид на окрестность, и указал Додду в сторону светящихся вокруг озера огней.

- К сожалению, пока это единственное, что мне удалось сделать по-настоящему. И то только потому, что я не претендовал тут ни на чьи средства, кроме своих собственных. Они думали, будто я затеял коммерческое дело, и не хотели мне мешать: надо же и президенту иметь свой бизнес. Этот курорт, может быть, единственно хорошее, что останется от меня американцам. Мало! Почти ничего!... Словно я не президент, а лавочник средней руки из квакеров.

Додд в задумчивости смотрел на мерцающие огоньки курорта, и пальцы его нервно отстукивали что-то по перилам балкона.

- Честное слово, президент, если бы я хоть на йоту верил в смысл своей миссии в Германии, я отдал бы себя вам. - Он помолчал и, наклонившись к президенту, проговорил: - Но я не верю в смысл такой миссии.

- Ну, все равно, по рукам, - весело сказал Рузвельт.

- Я уже стар, президент.

- Хэлл старше вас, а, смотрите, стоит на правом фланге. Вы знаете, что нам удалось, наконец, провести закон, воспрещающий перевозку оружия франкистам

на американских судах? Это в десять раз меньше того, что я хотел бы сделать, если бы меня не держали за руки.

- Не очень большое завоевание, президент! - с невольно прорвавшейся иронией сказал Додд. - А не боитесь ли вы, что наше эмбарго сыграет роль, как раз обратную той, какую вы хотели бы ему дать?

Рузельт пристально смотрел в глаза старому послу. Некоторое время помолчал. Потом с оттенком раздражения проговорил:

- По-вашему, я не понимаю, что этот запрет окажется односторонним?

- Именно это я имел в виду.

- Увы, Уильям! - Рузельт покачал головой. - Я знаю больше: никакие, слышите, никакие наши меры не помешают нашим оружейникам вооружать того, кого они хотят видеть победителем в испанской войне... Они сумеют доставить Франко оружие не только в обход, через всяких там иностранных спекулянтов. У них хватит нахальства везти его почти открыто, на глазах нашей собственной полиции. Я все понимаю, старина... - Он умолк, словно не решаясь продолжать. Потом, положив руку на плечо собеседника, быстро закончил: - Видит бог, это уже не моя вина! - и хотел снять свою руку, но Додд задержал ее и понимающе сжал своими сухими, старческими пальцами. - Иногда, Уильям, я завидую... лошади, идущей в шорах... - тихо проговорил Рузельт.

- И после этого вы уговариваете меня вернуться на пост посла?

- А что же делать, старина!.. Вот и я... С одной стороны, я именно только президент, и нельзя требовать от меня большего, нежели в моих силах... А с другой... Ведь я именно президент, и имею ли я право не заботиться о том, что подумают о нас, американцах, в остальном мире? Отказаться от эмбарго - значило открыто, понимаете, цинически открыто помогать фашистам!

- Но ведь всякий, кто соображает на йоту больше зайца поймет: такой декорум, как эмбарго, - удар по Испанской республике! - воскликнул Додд.

Рузельт всем корпусом повернулся к собеседнику, и, как ни поспешно он отстранился от яркого света, упавшего ему на лицо сквозь стекла балконной двери, посол увидел: краска заливала щеки президента.

- Я не имею права превращаться в фантазера, - без прежнего раздражения, но с заметной резкостью, словно бы нарочно подчеркнутой, говорил Рузельт. Вы должны это понять. Просто обязаны понять, не только как дипломат, но и как американский историк. Сидя на моем месте и зная десятую долю того, что творится за моей спиной, нельзя сохранять иллюзии. Я недавно узнал, что у меня под носом состоялась большая конференция главных боссов Уолл-стрита с немцами.

- Здесь?

- Да, около Нью-Йорка.

На лице Додда появилось выражение смятения.

- Все те же - Дюпон и весь эскадрон Моргана?

- Конечно, и наш старый приятель Ванденгейм тут как тут. - Рузельт сердито стукнул палкою по перилам. - Что придумали!.. Самым откровенным образом вооружают немцев. Дюпон двойным ходом, через "Дженерал моторс" и Опеля, занялся уже самолетостроением для наци - купил немецкие заводы Фокке-Вульф.

К удивлению Рузельта, Додд вдруг рассмеялся:

- А я-то ломал голову: на какие деньги немцы расширили это дело? Оно стало расти, как на дрожжах. Это как раз та фирма, которая доказала преимущество своих боевых самолетов в Испании.

Рузвельт развел руками:

- И я ничего не в состоянии поделать: все внешне совершенно прилично. Не могу я в конце концов лезть в частные дела предпринимателей!

- И, конечно, как всегда, все через эту лавочку Шрейберов?

- Разумеется. Эта старая лиса Доллас обставил их дело так, что пока не разразится какая-нибудь паника, к ним не подступишься.

- На вашем месте, президент, я велел бы обратить внимание на очень подозрительную компанию немцев, свившую себе гнездо в Штатах. Среди них есть такие типы, как этот Килдингер - самый настоящий убийца.

- Я уже говорил Говеру...

Додд быстро взглянул на Рузвельта и опустил глаза.

- Говер? - в сомнении проговорил он. - Я бы на вашем месте, президент, создал что-нибудь свое.

- Свою разведку? - Рузвельт повернулся к нему всем телом, не в силах скрыть крайнего удивления.

- Говер Говером, - негромко сказал Додд, а лучше бы что-нибудь свое. Поменьше, но понадежней.

- Да, не во-время болеет Гоу, - проговорил Рузвельт после паузы. - Мне очень нужны люди!

- Ничего, он еще встанет.

Рузвельт покачал головой.

- Нет... Он уже заставил и меня привыкнуть к мысли, что я должен буду обходиться без него!

- Мужественный человек.

- Но в последнее время сильно сдал. Форменная мания преследования. Рузвельт через силу усмехнулся, но усмешка вышла горькой. - Совершенно как у Шекспира: норовит обменяться со мной стаканами, тарелкой. Не верит никому... Пойдемте к нему, Уильям. Бедняга любит сыграть вечерком роббер бриджа.

Рузвельт поднялся при помощи Додда и пошел с балкона.

- Гоу, старина, готовьтесь-ка к хорошей схватке! - крикнул он с порога. - Додд вам сейчас покажет, что такое профессорский бридж...

Он не договорил: Гоу лежал, вытянувшись в качалке. Плед сбился к ногам, пальцы рук судорожно вцепились в ворот рубашки, словно стремясь его разорвать. Голова Гоу была откинута назад, и на мертвом лице застыла гримаса страдания.

2

Голые деревья стояли ровными шеренгами, как арестанты, - безнадежно серые, унылые, все на одно лицо.

Сквозь строй стволов была далеко видна темная, влажная почва. Она была уже взрыхлена граблями. Следы железной гребенки тянулись справа и слева вдоль дорожек Тиргартена.

От влажной земли поднимался острый запах. Из черной неровной поверхности куртин лишь кое-где выбивались первые, едва заметные травинки.

Шагая за генералом, Отто старался думать о пустяках. Глупо! Все то легкое

и приятное, что обычно составляло тему его размышлений во время предобеденной прогулки, сегодня не держалось в голове. Чтобы заглушить мысли о предстоящем вечере, он готов был думать о чем угодно, даже о самом неприятном, - хотя бы о вчерашней ссоре с отцом. Старик не дал ему ни пфеннига. Придется просить у Сюзанн. Но вместо Сюзанн представление о надвигающейся ночи ассоциировалось с чем-то совсем другим, неприятным. Избежать, увернуться?.. Чорта с два!..

Узкая длинная спина Гаусса вздрагивала в такт его деревянному шагу. Сколько раз Отто казалось, что старик должен сдать хотя бы здесь, на прогулке, когда вблизи не бывало никого, кроме него, адъютанта Отто. Вот-вот исчезнет выпрямка, согнется спина, ноги перестанут мерно отбивать шаг, и, по-стариковски кряхтя, генерал опустится на первую попавшуюся скамью. Может быть, рядом с тою вон старухой в старомодной траурной шляпке. И попросту заговорит с нею о своей больной печени, о подагре... Или около того инвалида, с таким страшно дергающимся лицом. И с ним Гауссу было бы о чем потолковать: о Вердене, где генерал потерял почти весь личный состав своего корпуса, или о Марне, стоявшей ему перевода в генштаб... Как бы не так! Голова генерала оставалась неподвижной. Седина короткой солдатской стрижки поблескивала между оконьшем и воротником шинели. Одна рука была за спину, другая наполовину засунута в карман пальто. Всегда одинаково - до третьей фаланги пальцев, ни на сантиметр больше или меньше. Перчатки скрывали синие жгуты склеротических вен. Непосвященным эти руки должны были представляться такими же сильными, какими всегда казались немцам руки германских генералов.

Все было, как всегда. Все было в совершенном порядке. Прогулка!.. Старик нагуливал аппетит, а ему, Отто, кажется, предстояло из-за этого вымокнуть. Совершенно очевидно: через несколько минут будет дождь. Уж очень низко нависли тучи. Кажется, этот серый свод прогнулся, как парусина палатки под тяжестью скопившейся в ней воды, и вот-вот разорвется. И польет, польет...

В прежнее время, даже вчера еще, Отто, не стесняясь, указал бы генералу на угрозу дождя. Разве это не было обязанностью адъютанта? Так почему же он не говорил об этом сегодня? Почему сегодня каждая фраза старика, каждый взгляд заставляли его вздрагивать?

Отто поймал себя на том, что, вероятно, впервые за четыре года своего адъютанства шел за генералом именно так, как предписывает устав: шаг сзади, полшага влево. Уж не боялся ли он попасться старику на глаза? Нет, генерал и не думал на него смотреть. Он уставился в землю, предпочитая видеть желтый песок аллеи и попеременно появляющиеся перед глазами носки собственных сапог. Идя так, не нужно было отвечать на приветствия встречных.

Это называлось у Гаусса "побыть в одиночестве". Достаточно было не смотреть по сторонам. Ноги сами повернут налево, вон там, у памятника Фридриху-Вильгельму. Короткий почтительный взгляд на бронзового короля. От него двести семьдесят шесть шагов до статуи королевы Луизы. Затем - к старому Фрицу. Здесь голова генерала впервые повернется: дружеская усмешка, кивок королю. Точно оба знали секрет, которого не хотели выдавать. Кажется, король-капрал даже пристукивал бронзовой тростью: смотри не проговорись!

Но вот и Фридрих остался влево. На повороте генерал оглянулся, чтобы еще